

ВЕРНЫЙ МУЖ

ЮЛИЯ КЛЮКВИНА

Юлия Клюквина

Верный муж

«Издательские решения»

Клюквина Ю. О.

Верный муж / Ю. О. Клюквина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656517-3

Сборник сатирических рассказов. Иронично, едко и с юмором о человеческих взаимоотношениях, конфликтах поколений и полов и о современных реалиях.

ISBN 978-5-00-656517-3

© Клюквина Ю. О.
© Издательские решения

Содержание

Каникулы	6
Отличница	8
Верный муж	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Верный муж

Юлия Олеговна Клюквина

Иллюстратор Екатерина Игоревна Зинченко

© Юлия Олеговна Клюквина, 2025

© Екатерина Игоревна Зинченко, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0065-6517-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каникулы

31 декабря. Нина Анатольевна, распрощавшись с коллегами и поздравив их с наступающими праздниками, мчится в магазины. Там ажиотаж: все закупаются перед предстоящими каникулами, толкучка, гомон, огромные очереди на кассах. Нина Анатольевна смело бросается в бой – ей это не впервой. Продираясь сквозь толпу покупателей, распахивая всех своими миниатюрными локотками, она уверенно движется к нужным продуктам. Вот селедка под шубой, вот горошек, вот сыры, вот икра. Кто-то очень тяжёлый нагло наступает ей на ногу. Нина Анатольевна не обращает на это внимания – ей нужно как можно скорее всё купить. Наконец она на улице с двумя тяжёлыми пакетами. Валит снег, подвывает ледяной ветер. Нина Анатольевна бодро движется в сторону своего дома, иногда чуть поскользываясь, иногда воюя с высокими сугробами. Кожу жжёт злой ветер. Ноги ноют от усталости, а руки немеют. Но вот она наконец дома. Едва выдохнув, она начинает разбирать продукты, а затем приступает к приготовлению новогодних блюд. На кухне – жара. Готовятся куриная грудка, картошка, жульен и три салата. Торопливо смахивая со лба капельки пота, Нина Анатольевна старается приготовить всё, что задумано.

Пять минут до курантов, все в сборе. Муж отказывается снять рваную майку и переодеться, говоря, что не на приеме у королевы. Сын канючит, что не любит картошку. Дочь напоминает, что она стала вегетарианкой, а на столе нет вегетарианских блюд. Нина Анатольевна крепитесь и считает минуты.

1 января. Утро начинается со скандала. Сын, нервно дёргая край своей пижамы, вопит и возмущается по поводу новогоднего подарка. Тучи быстро сгущаются в квартире, и вот муж начинает выходить из себя и грозит наказать сына. Тот, в свою очередь, обижается. На крики приходит дочь. Нина Анатольевна, страдая от головной боли, попеременно успокаивает то сына, то мужа. Наконец все перестают кричать и идут завтракать тем, что осталось. Едва перекусив, женщина встаёт мыть посуду, скопившуюся после новогоднего застолья. Оставшийся день проходит относительно спокойно, домочадцы доедают салаты и курицу и сидят перед телевизором.

2 января. Они всей семьёй идут в гости к свекрови. Нина Анатольевна терпеливо одевает детей, пока муж ворчит, что они долго собираются, и уже мысленно думает, что приготовить на ужин, когда они вернутся. Посиделки проходят мирно, почти идиллически, если не считать капризов младшего сына. После застолья звучат слова:

– Нина, иди помоги мне помыть посуду, пока мужчины отдыхают!

Нина Анатольевна покорно отправляется на кухню и под замечания свекрови моет гору липкой жирной посуды.

3 января. Город всё ещё пребывает в сладкой дремоте, а Нина Анатольевна уже бежит в магазины, чтобы наполнить пустующий холодильник. Яркое солнце светит в глаза, почти радуя. В супермаркете тишина: скучающие кассиры позёвывают, отдыхая после аврала накануне. Снова два огромных пакета, опять сугробы и гололёд, но теперь уже не нужно никуда мчаться. Нина Анатольевна почти отдыхает. В обед она готовит рыбный суп, от которого не в восторге сын и муж, а на ужин будет гречка с мясом. Пока она шуршит на кухне, муж и дети не отлипают от гаджетов и телевизора. Дома мир и покой.

4 января разразился гром посреди ясного неба. Решив устроить генеральную уборку дома, Нина Анатольевна наткнулась на бурную реакцию со стороны мужа, которого хоть и не просили помогать, был искренне возмущён самим фактом. Скандал заканчивается взаимными упрёками и бойкотом. Но уборка всё же состоялась. Наволочки и простыни отправляются прямым ходом в стиральную машину, полы намываются до блеска, а все полочки, подоконники,

двери и ручки протираются от слоя пыли. Ближе к вечеру, уставшая, но довольная плодами своего труда Нина Анатольевна оттаивает, извиняется, и в квартире снова наступает мир.

5 января всё семейство решает поехать в соседний город на экскурсию. Нина Анатольевна встаёт в 7 утра, пока спят остальные, и начинает собирать всё необходимое: бутерброды для перекуса в пластиковых баночках, влажные салфетки, небольшая аптечка, деньги, документы. Они идут в местный музей, но уже по пути сын начинает капризничать и кричит, что ненавидит свой шарф. Стаскивает с себя ненавистный вязаный предмет, а вслед за ним и шапку. Нина Анатольевна тщетно пытается снова одеть сына, но тот вырывается, топает ногами, кричит. Дочь начинает громко смеяться, сын начинает только громче вопить, муж взрывается потоком неприличных слов, браня тот день, когда он решил жениться. До музея они всё-таки добираются, но настроение испорчено.

6, 7 и 8 января. Сын болеет после похода без шапки и шарфа. Нина Анатольевна пулей мчится в ближайшую аптеку, снова преодолевая бесконечные сугробы, растущие всё выше и выше около пешеходных переходов. Вся мокрая, усталая и раздражённая она возвращается домой, в спешке начинает лечить сына, одновременно варя куриный бульон для него и выслушивая ругань мужа.

Ночь. Дети спят в своих кроватях, муж, выпив пустырнику, похрапывает и что-то лепечет под боком, на потолке мерцают огни проезжающих мимо дома автомобилей. Нина Анатольевна наконец выдыхает и тихо радуется: каникулы закончились, завтра на работу.

Отличница

За окном пышное торжество майской жизни. Надрываются в своих трелях птицы, жужжат и носятся огромные жуки, коты, позабыв обо всём, ищут своих ненаглядных хвостатых подруг.

А в классе душно и тихо. Лишь бьющаяся о стекло жужжащая муха, попавшая в западню, и монотонный голос учительницы нарушают липкую тишину, повисшую в помещении. Переполненные знаниями головы учеников склонились над открытыми дневниками. Одни с приятным чувством выполненного долга вписывают цифры в строки предметов, другие с видом отправленных на плаху рисуют «лебедей», за которых их потом казнят родители, а третьи, коих большинство, с тоской поглядывают в окна, мечтая поскорее покинуть класс. А ровный голос Нины Викторовны вновь и вновь повторяет фамилии, предметы и оценки.

– Алгебра. Александрова – четыре, Бобров – три, Вилкова – четыре...

Муха уже не бьётся, а ползает по стеклу, ища лазейку.

– Лисицына – четыре.

В классе становится ещё тише, духота кажется невыносимой, непонятная наэлектризованность повисает в воздухе. Несколько подростковых глаз переглядываются между собой. Муха на окне замирает, прислушиваясь.

– Мишина – пять, Молотов – три...

Девичий голос, переполненный обидой и слезами, но при том твёрдый и уверенный, останавливает монотонный поток слов.

– Извините.

Нина Викторовна отрывается от журнала. Муха, в предвкушении драмы, шевелит передними лапками.

Лисицына, хлопая длинными накрашенными ресницами, всем своим видом вопрошает:

– Извините, Нина Викторовна, почему четыре?

Острый подбородок юной ученицы подрагивает, глаза полнятся слезами. Электричество в классе, кажется, начинает потрескивать и сверкать маленькими молниями.

Лисицына – круглая отличница. За десять лет учёбы в её дневнике ни разу не появилось ни одной четвёрки за четверть или за год. И сейчас, услышав столь несправедливый вердикт, она уверенно вопрошает: «За что? Как так?».

Нина Викторовна, мысленно оценив ситуацию, пытается пойти на компромисс.

– Алёна, поговорим об этом потом со Светланой Ивановной, потом, не сейчас.

Она уже собирается продолжить, но упрямый голосок останавливает учительницу.

– Я же переделала последнюю работу и сдала ей. Она что-то путает! Не может быть, чтобы была четвёрка!

Раздаются всхлипывания и шмыганья, все ученики начинают нервно ёрзать, поглядывая на Лисицу, которая, кажется, готова разрыдаться на глазах у всех. Нина Викторовна, понимая, к чему идёт дело, начинает испуганно лепетать:

– Алёна, успокойся, пожалуйста! Сейчас пойдём к Светлане Ивановне и узнаем, почему четвёрка. Может, она действительно что-то перепутала.

Классная с Лисицыной мчатся на третий этаж к дверям класса номер 61, за которыми сидит математичка.

Светлана Ивановна, женщина старой закалки, молча и терпеливо слушает классную, а затем Лисицыну, которая уверяет, что давно исправила ту самую злосчастную последнюю работу, за которую получила тройку, испортившую в итоге ей четвертную оценку. Выслушав сбивчивые аргументы обеих, Светлана Ивановна спокойно заявляет, что исправленную работу

Лисицыной видела, но пятёрку за четверть она всё равно не может поставить. Она уже готова была закрыть дверь перед маленьким хлюпающим носом, но вмешивается классная.

– Видите ли, какая ситуация, Светлана Ивановна. Лисицына у нас – круглая отличница, гордость класса. Мы её то на олимпиады, то на конкурсы отправляем. Нельзя же перечёркивать все старания, понимаете ли, одним заданием. Войдите же в положение!

Светлана Ивановна не желает входить ни в какое положение и готова закрыть тему, но её опережает Лисицына. Поток, нет, водопад слёз льётся из очей ученицы, сопровождаясь громкими всхлипываниями, бессвязными словами и вздрагиваниями. Сие действие берёт верх над железными нервами обеих учительниц, и, бросившись успокаивать Лисицыну, они хором обещают исправить оценку. Постепенно все приходят в себя, математичка возвращается в свой кабинет, а Лисицына с Ниной Викторовной – в свой. Оставшаяся часть времени проходит в полной тишине, за исключением голоса классной. Наконец все оценки озвучены, ученики покидают школу.

Промокнув потный лоб, Нина Викторовна успокаивается и захлопывает классный журнал. И старается отогнать смутные воспоминания годичной давности, когда такая же история происходила с химичкой. «Ничего-ничего, – думает Нина Викторовна, – можно и перетерпеть. Всё-таки Лисицына – отличница, нельзя же портить картину».

Верный муж

Ольга Ивановна летела на всех парах, мечтая поскорее оказаться дома. Даже тяжеленные сумки, в которых ждали своего часа куриные окорочка, две пачки макарон, две бутылки кефира, зефир, огурцы, помидоры и другие продукты, не обременили счастливую Ивановну. Сегодня ей удалось вырваться пораньше с работы, а впереди ещё маячили выходные, на которых она как раз собиралась постирать занавески. Летя домой, она уже размышляла, как будет снова вешать душистые чистые золотистые тяжёлые ткани, а возможно, даже повесит тюль.

Взлетев по ступеням, позабыв об отдышке, которая последнее время стала мучить её, и даже о гудящих ногах, которые за все её сорок восемь лет успели пройти много дорог не по одному разу, она наконец оказалась перед дверью своей квартиры. Ключ весело щёлкнул, и Ольга Ивановна оказалась дома. Первое, что её немного смутило, так это засаленные кеды, в которых женщина моментально узнала обувь своего супруга.

– Сашенька, ты уже дома?

Сердце её наполнилось приятным предвкушением встречи с любимым мужем, и в голове замаячило его довольное румяное усатое лицо.

Но тут её взор заметил женские красные туфли, которые скромно притихли в тёмном уголке, и так же пугливо и тихо висело пальто. Женское. Белоснежное, с красивыми золотистыми пуговицами.

Сумки выпали из рук, мясистые куриные окорочка шлёпнулись на пол. Ольга Ивановна, не разуваясь, ринулась в сторону спальни, откуда доносились подозрительные звуки, выдающие суматоху и панику. Дверь распахнулась, и перед женщиной предстала сцена, словно взятая из среднестатистического сериала. Александр Николаевич, смущённо шевеля усами и почёсывая лысину, сидел в кровати, чуть прикрыв свой солидный животик одеялом. Рядом с ним пряталась в складках того же одеяла хрупкая барышня, определённо перешагнувшая черту совершеннолетия, но точно не достигшая тридцатилетия. Избитая фраза сама вырвалась у несчастной Ольги Ивановны:

– Как ты мог?! – В её словах прозвучала боль тысяч и тысяч обманутых жён. – Мы же столько лет вместе! У нас же дети! А ты... Ты...

Она едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Усы Александра Николаевича продолжали шевелиться, лоб избороздили глубокие морщины. Подняв глаза, он вдруг уверенно выдал:

– А знаешь, дорогая, ты сама виновата в том, что мне пришлось завести любовницу.

– А я ещё и виновата?!

Ольга Ивановна не могла поверить своим ушам. Мигая мокрыми глазами, она пыталась понять: это кошмарный сон, или муж говорит такое всерьёз? Между тем хрупкая фигурка робко начала одеваться.

– Ну а что ты хотела? – продолжал Александр, и в его голосе прозвучали нотки возмущения. – Ты же всё время то на кухне, то на работе, то с детьми с учебниками и тетрадями. Погрязла в быту. А я же человек! Мне же ласка нужна и внимание. Ты же совсем про меня забыла!

Пока Александр Николаевич изъяснял свои мысли, Ольга Ивановна становилась всё краснее и краснее.

– Сашенька, ты же знаешь, что у меня куча дел! Я просто не успеваю...

– Знаю я вашу кучу дел! Вон купить-то новое платье у тебя время есть, а на меня вечно нет ни времени, ни сил.

Александр Николаевич обиженно запыхтел и уставился в окно. Ольга Ивановна, с трудом подбирая слова, начала оправдываться:

– Я же так, чтоб тебе понравиться. Да и первый раз за два года. Я же для тебя...

– Понравиться? Ольга, давай честно уж говорить: ты совсем себя запустила. Смотри, на кого ты похожа! Толстая стала, старая, прям смотреть не хочется. Какие платья, Оль!

Ольга Ивановна почувствовала, что покрывается капельками пота. Воздуха в комнате стало как будто не хватать, женщине захотелось кинуться к окну, но она не могла сдвинуться с места.

– Извините, вы не могли бы...

Худенькая ручка жалобно указала на спинку кресла, на котором лежал кружевной бюстгальтер.

Ольга Ивановна молча отошла, позволив девушке забрать её аксессуар.

Александр Николаевич продолжал:

– А помнишь, что было на прошлой неделе?

– На прошлой неделе? – пискнула Ольга Ивановна.

– Да, а ты уже забыла? Я же тебя просил отпустить меня с мужиками на рыбалку. А ты что? Заставила помогать тебе квартиру надраивать и окна мыть! Я тебе что – прислуга? – Голос Александра Николаевича становился всё громче и уже напоминал летние раскаты посреди потемневшего неба. – Ты же меня вогнала в своё кухонное рабство!

Ноги Ольги Ивановны подкосились, она прислонилась к стене. За раскатами мужского грома последовал ливень женских слёз, которые нещадно смывали макияж и оставляли некрасивые тёмные разводы на щеках.

Увидев это, Александр Николаевич смягчился. Голос его снова стал более спокойным, не угрожающим, лишь с некоей долей укоризны.

– Ты бы радовалась, что у тебя такой верный муж! Не бьёт, не пьёт, дважды в год дарит цветы, в прошлом году тебя возил на курорт. Всё для тебя, всё для тебя. И заметь: за столько лет ещё ни разу не пытался уйти из семьи! Да тебе молиться на меня надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.